

АЛЕКСАНДР ЛАПЕНКОВ

О героях былых времен...

Александр Лапенков

О героях былых времен...

«Издательские решения»

Лапенков А. П.

О героях былых времен... / А. П. Лапенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741169-5

В сборнике публикаций разных лет «О героях былых времен...» собраны воспоминания поспелихинцев — участников Великой Отечественной войны — фронтовых разведчиков, артиллеристов, офицеров, рядовых солдат. Дополнительно в книгу включена исследовательская работа по страницам сайтов «Мемориал» (obd-memorial.ru) и «Подвиг народа» (podvignaroda.mil.ru) Министерства обороны РФ, в которой обобщены различные сведения о наших земляках.

ISBN 978-5-44-741169-5

© Лапенков А. П.
© Издательские решения

Содержание

От Пospelихи до Берлина	6
Война и мир Василия Агафонова	6
Под грохот пушек и музыку баяна	11
Минометчик	14
Разведчик	17
Прямой наводкой по «тиграм»	19
Они живы, пока мы помним	22
Фронтной шофер	24
С неба – в бой	27
Фронтная отметина	30
«Артиллеристы, Сталин дал приказ!»	32
Навсегда в сердце	36
Столетний капитан	38
Труженик войны	43
Давным-давно была война...	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

О героях былых времен...

Александр Петрович Лапенков

© Александр Петрович Лапенков, 2017

ISBN 978-5-4474-1169-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В сборнике публикаций разных лет «О героях былых времен...» собраны воспоминания попелихинцев – участников Великой Отечественной войны – фронтовых разведчиков, артиллеристов, офицеров, рядовых солдат. Дополнительно в книгу включена исследовательская работа по страницам сайтов «Мемориал» (www.obd-memorial.ru) и «Подвиг народа» (www.podvignaroda.mil.ru) Министерства обороны РФ, в которой обобщены различные сведения о наших земляках.

Война неожиданно вторглась в жизнь наших отцов и дедов и основательно перемешала её. Недавние школьники стали мужественными солдатами, все они были настоящими героями. Им бы влюбляться, дружить, ошибаться и все по-новому и заново, да вот только война...

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материалов главному редактору газеты «Новый путь» Т. Кузьминой, сотрудникам газеты И. Решетняк, А. Гринько, начальнику архивного отдела администрации района Т. Москалевой, директору районного краеведческого музея Е. Савенковой. Особая признательность ветерану редакции газеты «Новый путь» А. Абдулиной.

От Пospелихи до Берлина

Война и мир Василия Агафонова

Ранний рассвет тушил звезды. Они медленно, будто удаляясь, теряли яркость и, наконец, исчезали. Василий смотрел в небо, но видел далекую степь в окрестностях Пospелихи. Там теперь сенокос в разгаре, запах разнотравья, звон перепелов. Хорошо там, спокойно.

Рядом, обхватив колени руками, сидел сибирский татарин Мустафа, откуда-то из-под Барабинска. Он то и дело цокал языком.

– Ты что, Мустафа? О чем думаешь? – поинтересовался Василий.

– Думаю о своей родине... Аул свой, отец, мать, отара овец, тайга...

Две недели назад Василия Агафонова, прибывшего в один из обескровленных, измотанных боями стрелковых полков Западного фронта из учебного подразделения, определили в пару к Мустафе вторым номером ручного пулемета Дегтярева, который за тарельчатый магазин солдаты в шутку прозвали «граммофон». Первый номер в совершенстве знал устройство и особенности своего «музыкального» оружия и помогал новичку, обучал его стрельбе по реально движущимся мишеням – фигуркам, жмущимся к танкам немецких солдат. Вот уже неделя, как они вступили в бой. Три раза занимали эту высоту. Дважды немцы выбивали их. Вчера сделать это они не сумели. На нейтральной полосе валяются трупы в серо-зеленых мундирах. Там же кучами сторевшего железа остались три немецких танка и две самоходки. Но это ничто в сравнении с сотнями искалеченных, сожженных машин под городом Сухиничи. Василию пришлось побывать там не по своей воле. После того как вчера контратака немцев была отбита и наступила передышка, к окопу пулеметчиков подошел командир роты, старший лейтенант Моргунов.

– Вот ты, как тебя... ты, Агафонов, быстренько в Сухиничи. Знаешь? Вот и хорошо, там, на южной окраине, в подвале не то кирпичного завода, не то еще... Там КП артиллерийского полка. Найдешь подполковника, командира, передашь донесение. Понял? Ну давай.

Сухиничи найти было нетрудно, оттуда доносился рев множества танковых двигателей, пушечные выстрелы, треск пулеметов. Василий нашел подвал, о котором говорил командир роты, но там был лишь один связист. Левая рука его была обмотана окровавленным бинтом и висела на перевязи. Правой рукой он неуклюже вталкивал в фанерный ящик телефонный аппарат и трубку.

– Перенесли КП. Куда, не знаю, мне приказано идти в санбат.

Василий двинулся в обратный путь. Над Сухиничами висела сплошная мгла. То была пыль, поднятая множеством танков, дым, резкий запах сторевшего топлива, сажа. В двадцати пяти – тридцати шагах ничего не было видно. Солнце, ярко светившее там, над окопами батальона, здесь виднелось, будто к глазам приставлено закопченное стекло. Через такое стекло когда-то давно, в детстве, он наблюдал солнечное затмение, и дневное светило виделось тусклым куском. То и дело из полутьмы вырисовывались танки, наши и немецкие, искореженные, с пробитыми бортами, оторванными башнями, разорванными гусеницами. Уже сожженные или еще чадящие смрадом горячей краски и железа. «Сколько же их тут, – подумал Василий, – пятьдесят, сто? А может, больше». В стороне, перекачиваясь то вправо, то влево, продолжал греметь бой. Несколько танков промчались совсем близко. Что-то тяжелое со скрежетом и воем ударилось о землю неподалеку от Василия. По его спине побежали холодные колючки. От страха ноги стали мягкими, будто ватными, он увидел вращающуюся, как юла, металлическую болванку. «Снаряд! Рванет! Вот она, моя смерть!».

Сколько времени вращалась она, его смерть? Секунду? А может, час? Он не знал, не сообщал. Наконец, понял, что это не снаряд, а бронебойная болванка и не взорвется. Но ноги все-таки сами собой рванулись в сторону от этого опасного соседства...

Его воспоминания, от которых сейчас холодело где-то под ложечкой, прервало шипение ракеты, взлетевшей позади окопов. Она разбрызгивала красные искры. И тотчас же поле взорвалось сотнями орудийных залпов, над головами с металлическим шелестом полетели снаряды, немецкие окопы озарились взрывами.

– Началось! – крикнул Мустафа. – Давай в окоп, немца тоже стрелять будет.

Они прыгнули вниз, опустили на приступки, привалясь спиной к холодной дрожащей стенке окопа. За линией обороны вздыбилась земля, потом впереди, по сторонам немцы тоже начали обстрел, но недружно, вразнобой, видно, не ожидали, что русские начнут первыми. Всю неделю каждое утро они начинали бой. И вот теперь...

Мустафа что-то кричал Василию, указывал рукой вверх, сверкая белыми зубами. В грохоте залпов и разрывов снарядов и мин не было слышно его слов. Но по глазам было видно: он доволен. Василий глянул вверх. Там с коротким завыванием мелькали огненные смерчи. Это на помощь пришли «Катюши». Артподготовка длилась не меньше одного часа. Изредка выглядывая из-за бруствера, Василий видел над передним краем немцев сплошной огненный вал, вздыбившуюся под взрывами землю, обломки бревен, куски бетона и еще каких-то предметов. Над нашими окопами взлетела вторая, уже зеленая ракета. Это был условный сигнал к началу атаки, артподготовка прекратилась, стало тихо. Только на правом фланге немцев, захлебываясь, сердито продолжал стучать крупнокалиберный пулемет. Пули иногда поднимали с бруствера и впереди него фонтанчики земли.

– За мной! Вперед! – услышали пулеметчики охрипший от напряжения голос командира взвода Шутеева, безусого мальчишки, с одним кубарем в петлицах.

Передовая ожила. Солдаты дружно выскакивали из окопов и, стреляя на бегу, двинулись к траншее немцев. Первую линию обороны захватили, не почувствовав сопротивления врага. Надо было с ходу, на плечах отступающих, брать вторую. Так вчера разьяснял батальонный комиссар Карелин. Он собирал солдат где-нибудь в просторном окопе, беседовал, учил, советовал.

Но дальше получилась заминка. В рядах наступающих начали рваться мины. Опомнилась и пехота противника; застрочили пулеметы, автоматы, пригнув наступающих к земле. Но взводный торопил, призывно размахивал рукой. Василий, крепко сжав винтовку, короткими бросками бежал за ним, одновременно не упуская из виду своего напарника, который устремился на фланг в надежде найти подходящее место для стрельбы. Он должен быть рядом с ним, ведь у него в вещевом мешке боеприпасы к пулемету – три запасных 47-зарядных диска. Вот спасительная воронка, Василий скатился на дно и уткнулся лицом в рыхлую от недавнего взрыва землю, она пахла сгоревшей взрывчаткой, дымом, сыростью.

«Дают, сволочи! Эх, перекантоваться бы здесь пока не закончится эта окаянная бомбежка, тогда и вперед! – подумал Василий. – «А как же Мустафа, Шутеев, другие ребята? Ладно, некогда тут разлёживаться, пора подниматься. Мама, моя родная мама! Ты меня всегда выручала. Сделай так, чтобы я остался жив. Помог!»...»

Василий, преодолевая страх, приподнялся для оценки своей диспозиции. Но тут сзади его грохнул мощный взрыв, по прикладу винтовки рубанул осколок...

«Почему же я так тяжело упал?» – пытался сообразить Василий и ощутил вдруг головокружение и тошноту.

– Ранен? – как-то очень тихо прохрипел ему, взявшийся неизвестно откуда, взводный, дотронувшись пальцами до щеки Василия.

– Ничего не вижу, да и со слухом у меня что-то не ладно, – со стоном ответил Василий, протирая ладонью забитые землей глаза.

– Крови нет, похоже, тебя контузило.

Взводный приказал ему оставаться на месте.

– Санитары там, в лощине, левее немецких траншей. Сейчас дам им знать. Но имей в виду, на поле, кроме тебя, лежат наши раненые и много убитых...

Долго ждал боец, пока до него доберутся санитары. И как-то неожиданно сознание покинуло его...

Он очнулся от острой боли во всем теле. Словно сквозь пелену тумана рассмотрел, как молоденькая санитарка возилась с его глазами, промывая какой-то жидкостью. Голова уже была забинтована.

– Если бы не каска, быть тебе уже на небесах, – безразлично усмехнулась медичка. – Везучий ты, хлопец! И неожиданно всхлипнула: «А мой-то старлей того... убили. А ты еще девчонок любить будешь...».

Часа через два Василий был в медсанбате. Раненых укладывали на подводы, на машины и отправляли в тыл...

Госпиталь в Перми... На этом, как говорил сам Василий Борисович, настоящая война для него собственно и закончилась. Тяжелейшая травма – контузия органа зрения – такой диагноз поставили военные врачи. Но списывать не стали – в армии есть много нужных и важных профессий, где совсем необязательно метко стрелять...

После излечения Василий попал в запасной авиационный полк, где полгода проучился в школе младших авиаспециалистов. Изучал бомбардировщики Пе-2, Ил-4, ДБ-3.

– В апреле 1943 года, после сдачи квалификационных экзаменов, меня назначили на службу мотористом в бомбардировочном полку 1-й Воздушной армии, которая действовала в составе 3-го Белорусского фронта, – рассказывал ветеран. – За каждым самолётом для технического обслуживания были закреплены моторист и механик. Прибористы и оружейники занимались своей работой, а мы, технари, контролировали состояние двигателей. Поднимались затемно и немедленно принимались за дело. Основное внимание уделяли скрупулезной проверке всех креплений агрегатов мотора, с тем чтобы исключить подтёки масла и горючего. Ведь даже небольшой недосмотр на земле угрожал экипажу тяжелыми неприятностями в воздухе.

В замечательном советском кинофильме «В бой идут одни старики» есть интересный кадр, когда механик, провожая на очередное боевое задание свой истребитель, незаметно его крестит.

– Мы вместе с механиком, провожая в полет нашу «пешку» (так авиаторы называли двухмоторный пикирующий бомбардировщик Пе-2), кажется, не крестили, но всегда желали экипажу самолета мягкой посадки на своем аэродроме и страшно беспокоились в ожидании его из боя.

Однажды Василий на своей фронтовой дороге встретил земляка с Алтая Павла Неганова. Вот это была большая радость! Обнялись, поговорили о жите-бытье, родных местах и разошлись навсегда.

В феврале 1945-го армия перебазировалась в Восточную Пруссию, где в большом «котле» агонизировала окружённая группировка гитлеровских войск. Бомбардировщики нанесли мощные удары по войскам противника в городе-крепости Кёнигсберг. Василий весь в мазуте, от зари до глубокой ночи кропотливо копался в своих машинах.

В то время авиадивизия, в строевой состав которой входил и бомбардировочный полк, располагалась на полевом аэродроме в районе города Эльбинг на побережье Данцигской бухты.

Василий Борисович Агафонов. 1945 г.

В одну из теплых майских ночей старший сержант Агафонов стоял на охране штаба и случайно услышал по радио правительственное сообщение о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии. Как оказалось, эту долгожданную новость он услышал не один, потому что почти сразу же окрест началась пальба в воздух. Это наши солдаты и офицеры салютовали в честь Великой Победы. Ура!!!

... Жизнь после возвращения из армии демобилизованный воин начал с учёбы – поступил в педагогическое училище в Рубцовске, одновременно работал учителем начальных классов, вскоре женился и даже продвинулся по службе – стал директором начальной школы. Неизвестно куда бы привела его педагогическая стезя, только в 1950 году его пригласили на работу в редакцию поспелихинской районной газеты, на должность литсотрудника. Сбылась его мечта, ведь он всегда любил писать: любовь к литературе, сочинительству у него была с раннего детства.

Почти четверть века проработал В. Агафонов корреспондентом газеты «За сталинский урожай» – «Новый путь». Каждый, кто знал Василия Борисовича, согласится со мной, что его отличали интеллект, высокая внутренняя культура, порядочность. Он никогда не лез в душу, был добрым по натуре. Земляки-поспелихинцы видели в нем правдивого и честного журналиста. Материалы, в том числе очерки, документальные рассказы, автором которых он являлся, не подлежали сомнению. Они были интересны, правдивы, не содержали домислов, посвящались конкретным людям, событиям. Их всегда хотелось читать. Особенно любил писать о войне – эту тему он хорошо знал «изнутри».

Но последствия фронтовой контузии все чаще и чаще давали о себе знать. В конце 70-х Василий Борисович практически полностью ослеп. Кромешная тьма пришла в его жизнь! Было от чего впасть в отчаяние. Спасли природная сила духа, поддержка близких людей, друзей.

Он смог освоить чтение по Брайлю, слушал записанные на кассетах книги, которые высылали из спецбиблиотеки Барнаула.

С годами Василий Борисович настолько освоился в быту, что за ним не поспевал и иной зрячий. Более всего удивляло соседей, как он самостоятельно колол дрова. Причем колун в его руках редко-редко промахивался по чурке. Я, кстати, тоже однажды совершенно случайно оказался свидетелем такого «номера» и, как все, был в большом изумлении.

А еще Василий Борисович всегда слыл заядлым рыбаком. Свое увлечение не оставил даже когда погрузился в темноту. Правда, в этом ему помогал друг – Сергей Федорович Музалевский, тоже инвалид войны, у которого не было ноги. Они всегда вместе ездили на рыбалку. Василий Борисович садился в лодку, а Сергей Федорович с берега командовал товарищу, куда надо плыть и в каком месте ставить сети. Работники рыбоохраны замечали нарушение правил, в части использования сетей, но никогда не трогали инвалидов-фронтовиков. Видимо, не позволяла совесть.

Несмотря на инвалидность, Василий Борисович находил применение своим богатым знаниям, большому житейскому опыту, немалым творческим способностям. Постоянно писал материалы на различную тематику в родную «районку». Для этого пользовался решеткой, которую сам сделал из проволоки.

За свои ратные дела и трудовые успехи В. Агафонов награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и др.

Такова судьба простого русского солдата, который прошел всю войну не в штабах, не в тылу, а на передовой линии, часто под открытым небом. В последующем достойно трудился в мирной жизни. Он до конца выполнил свой воинский и гражданский долг.

16 апреля 2015 г.

Под грохот пушек и музыку баяна

Биография Павла Акименко простая. Родился в многодетной семье, рано осиротел. В двенадцать лет уже работал наравне с мужиками в коммуне «Пахарь-Заря», что была организована на месте будущего поселка Факел Социализма.

– Хозяйство было большое, – вспоминает Павел Иванович. – Много земли, скота, лошадей. В общей сложности работало семь бригад. В коммуне были кожевенный и кирпичный заводы, пимокатня, пошивочная мастерская. Да что там говорить – своя электростанция была! Единственная в округе – об электричестве в районе тогда только мечтали.

...Когда началась Великая Отечественная война, Павлу Акименко исполнилось девятнадцать лет. Но на фронт его в первую мобилизацию не взяли, а как конюху дали задание – обучить «фондовских» лошадей для езды верхом и в тачанке. И только в 1942 году, после того как Павел выполнил приказ – подготовил трех хороших лошадей к отправке на фронт – его призвали в армию. Сначала молодой сибиряк попал в Бийский учебный полк. Занятия шли по пятнадцать-восемнадцать часов в сутки, чередуясь с многокилометровыми марш-бросками по труднопроходимой местности. Бойцы буквально валились с ног от усталости и засыпали на ходу. «Тяжело в учении, легко будет в бою», – подбадривали молодежь отцы-командиры, многие из которых уже успели понюхать пороху. Но все когда-нибудь заканчивается и учеба тоже. Однажды их погрузили в эшелон, который взял направление на запад...

В знаменитом сражении на Орловско-Курской дуге командир ротного пулемета «максим» Павел Акименко в составе стрелкового полка принял боевое крещение.

Еще не обстрелянные сибиряки оказались в настоящей мясорубке. Казалось, все небо было закрыто вражескими бомбардировщиками – так много их было. Они буквально висели над передовой линией обороны, не давая бойцам поднять головы.

– Было очень страшно, – вспоминает Павел Иванович. – Ведь всем казалось, что каждая бомба летит именно в него. А мы и окопаться-то толком не успели... Это уже потом безошибочно научились определять по траектории полета бомбы и по свисту и вою мины место их падения.

В одном из боев Акименко был ранен в плечо. Командир роты тогда объявил, что написал представление о награждении нескольких особо отличившихся воинов орденами. Но на другой день он погиб, а раненых бойцов направили в госпиталь. А правда, сколько фронтовиков по разным причинам не получили свои награды! В суете боев и госпиталей на это никто особенно не обращал внимания. Главное – жив, и слава Богу.

После лечения Павел попал в артиллерийский полк крупнокалиберных 76-миллиметровых орудий.

– Самое хреновое в артиллерии – только вкопаешь орудие, приготовишь его к бою, а тут приказ – сниматься с позиций. Зря, выходит, 5 кубометров земли перелопатили. Ребята матерились – столько труда насмарку!

В составе своего полка Акименко участвовал в разгроме немецких войск в Корсунь-Шевченковской операции, потом была Молдавия. Сначала месяца три держали оборону, а потом, в начале августа 1944 года, перешли в наступление. Тут Павла Ивановича вновь серьезно «прихватило»: осколочное ранение в ногу. Сначала даже не понял, что к чему – вместе с друзьями находился возле штаба. И вдруг – взрыв! Несколько товарищей тут же упало, а он продолжал стоять. Идти не мог – ноги как ватные, а боли нет. Посмотрел вниз – сапог полный крови. Сразу в медсанбат. Подлечился и снова на передовую. Кстати, всем, кто освобождал Кишинев, Верховный Главнокомандующий после войны обещал в этом городе благоустроенные квартиры.

Конечно, никакого жилья Павел не получил, у него сохранилась только Благодарность от Верховного...

А потом последовали бои в Румынии и третье ранение – и опять в ногу. После госпиталя попал в полковую разведку. За линию фронта приходилось ходить не только за «языком», но и с диверсионными целями. Как-то приказали уничтожить или лучше захватить наблюдательный пункт румынского полка. Задание было выполнено без потерь.

– Румыны жили бедно: на всю деревню одна-две печки, где по праздникам пекли хлеб, – вспоминает фронтовик. – Крыши домов покрыты соломой. Основное питание – мамалыга. В румынских деревнях красноармейцев встречали исполнением «Катюши» на скрипках.

Затем была Венгрия, Австрия и освобождение ее столицы Вены...

– Самое страшное на войне, – делится ветеран, – терять друзей. Бывало, идешь в атаку, и вдруг рядом твой товарищ падает. Подбежишь, перевяжешь, а он на твоих руках умирает. Тяжело! Хотя на войне иногда удивительные случаи бывали. Как-то во время боя одному нашему бойцу осколком располосовало живот – внутренности наружу. Я, как мог, все сложил и перевязал бойца. Ну, думаю, все равно умрет. А через три месяца, смотрю, идет мой знакомый, как ни в чем не бывало. Оказывается, спасли его тогда врачи и никакая инфекция от моих грязных рук к нему не пристала.

В 45-м Акименко стал старшиной роты. Командир объявил, как отрезал: принимай хозяйство.

– Я и принял – склады, столовую – в общем, все, что положено. Для солдат постарался создать нормальные бытовые условия. Многих потом достойно проводил домой.

Об окончании войны мой собеседник узнал в Восточной Пруссии. На радостях гуляли всю ночь: везде стрельба, песни, пляски... Павел не выпускал из рук баян. До войны он неплохо играл на балалайке и гармошке, в армии в его руки попал трофейный баян, который освоил самостоятельно. Этот музыкальный инструмент до сих пор сопровождает его по жизни.

Павел Иванович Акименко

После боевых действий Павел прошел отбор для участия в параде Победы в Москве от 2-го Украинского фронта. Маршировали целыми днями, отработывали каждое движение. Но Акименко не выдержал таких интенсивных тренировок – нога стала распухать и кровоточить, сказались ранения.

...Домой солдат вернулся в звании старшего сержанта в 1945 году. Легких путей искать не стал – снова пошел в колхоз. Сначала работал трактористом, потом бригадиром.

Сейчас инвалид Великой Отечественной Павел Иванович Акименко, как и прежде, живет в поселке Факел Социализма. Из фронтовиков он остался один. А когда-то было 28 человек. Часто ветерана беспокоят былые раны, мучает высокое давление, но до сих пор он находит в себе силы содержать в порядке свое подворье. Семейный стаж ветерана насчитывает 64 года. Вместе с женой Любовью Федоровной они воспитали двух дочерей – Галина учительница, а Татьяна работает экономистом.

За доблесть и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны, П. И. Акименко награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

Павел Иванович никогда не считал себя героем.

– Мы так жили, – просто заключает он. – Если воевать – то честно. Если работать – то на совесть.

Блиц-интервью.

– *Павел Иванович, а как насчет фронтовых 100 граммов?*

– Наливали, особенно перед атакой или когда за линию фронта идешь. Но я молодой был не пил и не курил.

– *Согласно приказу №227 «Ни шагу назад» появились заградотряды...*

– Да, сзади нас стояли войска НКВД. Вперед побежишь – убьют «за Родину», назад – как изменника Родины. Что хочу сказать: за все время в нашей в роте был только один «самострел». Боец слабый характером оказался, пулюнул себе в руку – его потом расстреляли перед строем. Обидно – трусом человек-то не был. Все из-за любви... Да, такие страсти порой кипели – не смотри, что война... Но это длинная история...

– *Дед-сосед в свое время рассказывал, что, бывало, свои по своим «прикладывались»...*

– Было дело. По нашему полку однажды отбомбилась наша же авиация – много тогда ребят полегло.

– *Посылки домой высылали?*

– Я за всю войну отправил одну посылку. Помню, положил туда летный комбинезон и несколько отрезков кожи – в деревне ведь нечего было одеть. Офицерам разрешалось посылки высылать чаще.

– *Приходилось ли сталкиваться с власовскими частями РОА?*

– Да, конечно. Эти бились до последнего патрона... Но и у нас не было жалости ни к оккупантам, ни к предателям. На войне как на войне...

20 февраля 2010 г.

Минометчик

Николаю Акульшину довелось окончить всего два класса. Только-то и научился читать, писать да считать. Дальше дорогу в школу закрыла беспросветная крестьянская нужда. Семья была большая, и потому каждый кусок хлеба был на счету. С 12 лет Николай уже всю работу в колхозе. Зимой управлялся вместе с жёнами на свиноферме, а летом местом его работы было поле. Будь то посевная, сенокос, уборка урожая – нигде не обходилось без его мальчишеских рук.

Жизнь шла своим размеренным чередом. В газетах и на собраниях осуждали и клеймили очередных врагов народа, прославляли стахановцев, рапортовали «вождю всех времен и народов» товарищу Сталину о новых трудовых победах.

А в это время в небе уже пахло грозой. И она грянула 22 июня 1941 года. О том, что битва будет жестокой, унесет десятки миллионов жизней и продлится почти четыре года, тогда никто и подумать не мог. Ведь войны были и до этого – японская, финская. Но их последствия люди ощущали как-то слабо. Хотя жертв с нашей стороны и было много (это мы сейчас знаем), но по своим масштабам они не сопоставимы с Великой Отечественной.

...Война взяла на учёт всех мужиков. На деревне остались только немощные старики, женщины да дети. Они-то и работали в колхозе, вытягивая из себя последние остатки сил, чтобы выполнить планы по продаже государству хлеба, молока, мяса.

В начале января 1943 года в Ботенево из военкомата привезли на лошади повестку. Расписался Николай в ее получении, собрал немудреные, но нужные в дороге пожитки и двинулся в Пospelиху на сборный пункт.

Николай Никитович Акульшин

Повезло – не повезло, как тут скажешь, но попал Николай в Бийский запасной полк. Там пришлось проходить азы военного дела, учиться метко стрелять, умело колоть штыком, ползать по-пластунски, точно в цель бросать гранаты. Но все когда-нибудь кончается. Вот и учебный полк в мае 1944 года в полном составе был погружен в эшелон и отправлен в район боевых действий под Великие Луки. Как выяснилось, сибиряки меняли истрепанные в боях части, которые в кровопролитных боях понесли большие потери: от личного состава в строю оставалось только 20 —30 процентов.

Николай Акульшин воевал в составе 182-й стрелковой дивизии на 2-м Прибалтийском фронте, которым командовал прославленный военачальник, генерал армии А. И. Еременко.

К концу 1944 года наши войска, преодолевая упорное сопротивление противника, с боями вышли к границам Восточной Пруссии.

– Нам противостояла группировка «Север», в которую входили хорошо обученные, закаленные в боях немецкие части, – вспоминает Николай Никитович. – Очень сильно был укреплен город Кенигсберг – центр Восточной Пруссии. Развитая полевая оборона опиралась на 15 крепостных фортов вокруг города, еще 9 фортов были непосредственно на его территории. Кругом минные поля, доты, дзоты, различные инженерные сооружения. Гарнизон города-крепости насчитывал 130 тысяч человек.

Николай Никитович Акульшин

Четверо суток непрерывно с воздуха и моря по городу наносился огневой удар. Без этой артподготовки город взять было невозможно. Потом начался штурм, и 9 апреля 1945 года кенигсбергская группировка была ликвидирована.

Фронтальная специальность Николая – минометчик. Вот уж пришлось потаскать эту «игрушку», что до сих пор фронтовики помнит вес миномета вплоть до грамма: ствол – 19 кило-

граммов, лафет – 18,6, плита – 26 килограммов. А если в вещмешок вместо хлеба положить еще пару мин, что, по словам моего собеседника, зачастую и бывало, то можно представить, каково приходилось бойцам менять позицию или идти в походном строю.

Из боевых наград у Николая Никитовича орден Славы III степени. Это за меткий выстрел. Когда минометный расчет, в котором он был заряжающим, истратив только две мины, уничтожил три пулеметных точки противника, тем самым дал возможность пехоте продолжать наступление. Среди медалей: две «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». За каждой наградой – тяжелая фронтальная работа: отвага, риск, ну и, конечно, – везение. Счастлив тот, кому на войне выпала удача, помог счастливый случай.

9 мая 1945 года сержант Акульшин встретил за Кенигсбергом у моря. Ох, и посалютовали тогда бойцы радостному известию! Много патронов перевели, отмечая окончание войны. Она всем надоела, хотелось домой. Вот и Николай, получая из дома редкие весточки, зачитывал письма до дыр, знал почти наизусть все деревенские новости. Из писем узнал, что сложил на поле брани свою голову старший брат Петр.

Домой Николай вернулся только в феврале 1948 года. Перед его глазами предстала безрадостная картина – разруха, голод. В военкомате ему посоветовали: бери, солдат, паспорт, пока есть возможность (тогда не так-то просто было получить этот документ) и уезжай куда-нибудь в город. Но не послушался этой рекомендации фронтовик, остался в деревне. Вскоре женился на полюбившейся односельчанке Надежде Абысовой. Потом, как полагается, появились дети – две дочери и сын.

Трудовая биография Николая Никитовича – это колхоз, работа на ферме. Работал добросовестно, к чему был приучен с детства.

В 1979 году, когда деревню Ботенево по чьему-то распоряжению объявили неперспективной, семья Акульшиных переехала в поселок Хлебороб, где и живет в настоящее время.

Николай Никитович, несмотря на возраст, человек подвижный, энергичный, разговорчивый. С ним интересно беседовать. До сих пор фронтовик принимает активное участие в общественной жизни села.

В нынешнем юбилейном победном году Акульшины будут отмечать и свои семейные праздники – в декабре 70 лет исполняется Николаю Никитовичу, ну и бокал шампанского поднимут за 45-летие совместной жизни супружеской четы.

Крепкого вам здоровья, долгих лет жизни, Николай Никитович и Надежда Фроловна!

7 апреля 1995 г.

Разведчик

Иван Анашкин впервые надел солдатскую шинель в августе 1942 года, когда исполнилось восемнадцать, а значит, пришел и его черед защищать Родину. Поначалу попал в Рубцовское пехотное училище. Там учили всему тому, что положено делать на войне – и из винтовки стрелять, и штыком колоть, и по-пластунски ползать. Но учеба оказалась недолгой. В связи с ожесточенными боями фронт требовал все новых и новых пополнений. В 1943 году курсанты заняли оборону под Белгородом. Здесь и принял Иван свое боевое крещение.

В одной очень хорошей песне есть такие строчки: «Последний бой, он трудный самый...». Однако для солдата, как говорят фронтовики, самым трудным является первый бой. Учеба учебой, а все-таки настоящий бой – совсем другое дело. Там ведь не холостыми стреляют. К тому же неопытного бойца легче на мушку взять. Свистнет, к примеру, пуля, и новичок сразу же бряк на землю. Не знает он, что «услышанная пуля – не твоя». Она уже мимо пролетела. Падать на землю поздно, да и ни к чему. Опытный солдат это хорошо знает. Он тут же рывок вперед сделает, а на месте лежать не станет, не даст противнику прицел уточнить. Всей этой солдатской наукой, наукой воевать, Иван за годы войны овладел, что называется, в совершенстве. А поначалу, конечно, страшновато было. Но не струсил в том первом бою. И в атаку ходил, и лежа в обороне под вой снарядов и мин отбивался от наступающих гитлеровцев. Но кто воюет, тот и получает. Получил и Иван – левую руку пронзила очередь из шмайссера. После госпиталя – снова в бой, на передовую! Воевал в составе 16 гвардейской дивизии, по должности – командир отделения 114 отдельной разведроты. Короче говоря, был Иван войсковым разведчиком.

– Делали свое дело мы в основном ночью, – вспоминает Иван Степанович. – Хотя и днем было не до сна, прежде чем идти в тыл к врагу, надо заранее изучить местность, уточнить ориентиры. Самое главное – преодолеть «ничейную» землю. Трудная это работа. «Нейтралка» простреливается вдоль и поперек всеми видами оружия. Да еще на ней мины лежат и колючая проволока натянута. К тому же запросто можно нос к носу столкнуться с немецкими разведчиками...

«В бой идут одни старики!». Алина Балужева, 8 лет, с. Пospelиха

Не раз и не два приходилось Ивану переползать на животе такую ничейную полосу. Не раз лежал на ней под жестоким огнем артиллерии. Во время очередного рейда по тылам противника получил свое второе ранение, правда легкое, уже в другую руку. Вероятно, рядом с хоро-

шими людьми уютно всем. Выбрала тень смерти в попутчики себе Ивана Степановича, и в третий раз дала о себе знать. Но опять, к радости всех, оплошала. У немецкого снайпера то ли сбился прицел, то ли в последний момент дрогнула рука. Пуля обожгла Ивану только ухо. Еще бы чуть-чуть в сторону – пошла бы похоронка в Углы, далекую алтайскую деревушку. Но, видно, кому что на роду написано. Тот след от пули до сих пор у Ивана, как недобрая память о войне.

Зимой сорок четвертого наградили сибиряка орденом Славы III степени – за взятие «языка». Немецкого фельдфебеля притащил он тогда со своими ребятами из вражеского тыла. Пленный дал ценные сведения, интересующие наше командование.

– Жили мы, разведчики, что скрывать, неплохо. Голодными никогда не были. Да и так, что необходимо, было всегда. Ну, если уж разведчик себе не достанет, тогда кто? И водку пили, что правда – то правда. Но так, немного. Когда идешь в группу захвата, всегда по 100 граммов на брата выставляли. Больше старшина не нальёт, это сто процентов. Дисциплина была, Сталину были преданы. Из песни слов не выкинешь, да и зачем? Историю ведь не переделаешь. «Вперед! За Сталина!» – кричали ведь не от страха перед СМЕРШем, вера была. Вера, считаю, и победу позволила одержать – это главное.

...Фронтowymi дорогами прошагал разведчик Украину, Польшу, Румынию, Венгрию. Участвовал в штурме Кёнигсберга. Страшное это дело – идти по земле, которая только-только освобождена. Деревни сожжены, мосты взорваны, все телефонные столбы повалены. Каждая шпала на железной дороге перебита пополам. Все, что можно взять – увезено, а чего нельзя взять – уничтожено. Но идти, когда не стреляют, это одно, хотя тоже, к слову сказать, довольно тяжело, особенно с полной боевой выкладкой. А ведь Анашкину с товарищами приходилось воевать. Да не на жизнь – на смерть. Немцы никогда не уходили подобру-поздорову – держались до последнего. С боем приходилось брать почти каждый населенный пункт.

Спустя годы, обходя подробности и детали, просто говорить о прошедшем. А ведь на войне был ад, который не описать никакому художнику.

9 мая 1945 года разведчик встретил в столице Чехословакии – Праге. Все! Войне конец!

И еще одну дату хорошо запомнил гвардии старший сержант – 6 декабря того памятного для всех года. В этот день его по болезни демобилизовали из армии.

В начале 46-го доехал Иван до Поспелихи, а со станции шел пешком до своих родных Углов, на попутку надеяться было бесполезно. Долго отдыхать не пришлось – в колхозе была на счету каждая пара мужских рук. Вскоре женился. Взял в жены местную девушку Аннушку, с которой переписывался всю войну. Выбор оказался верным. Подтверждение тому время – до сих пор Иван и Анна рядом друг с другом. Вырастили и воспитали пятерых детей. А еще есть у них 17 внуков и 7 правнуков. Вот какие они богатые!

В 1971 году, после того как деревенька Углы стала вдруг неперспективной и ее по-тихому ликвидировали, переехал Иван Степанович в совхоз «Поспелихинский», в поселок Большевик, где и работал до выхода на пенсию бригадиром животноводства.

Смотрю на таких, как Иван Степанович, и всегда думаю: какой же надо иметь запас жизненной энергии, чтобы столько трудностей пережить. Такие вот деревенские мужики и воевали, и работали, отдавали все силы. И вовсе не их вина в том, что под старость остались они один на один со своей немощью. Идут на поклон, чтобы выпросить в хозяйстве машину для подвозки топлива, отремонтировать дом или приобрести корм...

В этом юбилейном году бывшему войсковому разведчику исполнится 71 год. Воспоминания о фронтowych годах для Ивана Степановича еще и воспоминания о юности, молодости. Как много воды утекло с тех незабываемых лет! Прожита целая жизнь. Прожита достойно.

16 января 1995 г.

Прямой наводкой по «тиграм»

Все дальше и дальше уходит от нас война. Все меньше остается ветеранов. С каждым годом редет строй убежденных сединами старых воинов. Надевая пиджаки с наградами только на праздник, они не всегда могут сдерживать слезы, вспоминая прошедшие бои Великой Отечественной, своих боевых товарищей, родных и близких, боль потерь и радость Победы.

Алексей Федотович Андреев родился в 1924 году в простой крестьянской семье в д. Генералка Чарышского района. Семья жила скромно – родители, как и многие тогда, трудились от зари до зари в колхозе. Дети помогали им в поле и на ферме, ухаживали за домашним хозяйством.

Но началась Великая Отечественная война. Поначалу эту весть люди восприняли без особого страха – и до этого было немало военных конфликтов. Все твердо верили, что завтра, послезавтра, ну, в крайнем случае, через неделю, Красная Армия разобьет фашистов на границе и очередной инцидент закончится нашей победой. Правда, вскоре энтузиазма заметно поубавилось. Все чаще сводки Совинформбюро сообщали, что в результате тяжелых и упорных боев наши войска оставили то один, то другой город. А когда с фронта в массовом порядке стали приходить похорожки, люди поняли, что на нашу страну напал сильный, жестокий и коварный враг. Для того чтобы его разгромить и изгнать с советской земли придется положить немало жизней.

Окончательно все стало ясно, когда 3 июля 1941 года перед страной по радио выступил председатель комитета Обороны страны И. В. Сталин. Он сообщил об обстановке на фронте и призвал многонациональный советский народ на священную войну с фашистской Германией.

Алексей Федотович Андреев

Алексей Андреев, только что закончивший десять классов, в ряды Красной Армии был призван в августе 1942 года и отправлен в город Канск, там, в полковой школе, ему предстояло учиться на младшего командира. Изнурительные занятия по обращению с оружием, стрельбе, приемам рукопашного боя, выматывавшие все силы, продолжались несколько месяцев. Поэтому бойцы даже обрадовались, когда пришел приказ грузиться по вагонам – их отправляли на Центральный фронт.

На место эшелон прибыл ночью. Из вагонов пехотинцы пересели в автомашины и долго тряслись по сельским дорогам. Вскоре узнали, что должны сменить часть, которая понесла серьезные потери в личном составе. В полной темноте занимали позиции, оставляемые поредевшим в боях подразделением. Время до рассвета ушло на мало-мальское обустройство и подготовку к бою.

– Утром после бомбардировки и минометного обстрела, – вспоминает Алексей Федотович, – фашисты под прикрытием танков предприняли наступление на наши позиции. Они, наверное, не ожидали, что нарвутся на свежие силы. Бой был яростный и короткий, неся большие потери, противник отошел. Но это было только начало. Через некоторое время начался артиллерийский обстрел. Мы оказались в кромешном аду. Рвались мины и снаряды, поднимая в воздух тучи земли. Дым, огонь, рев, грохот, где небо, где земля – все смешалось. Еще не смолкли залпы вражеских орудий, когда наш пехотный батальон под прикрытием танков пошел в атаку. Я со своим отделением находился на броне «тридцатьчетверки». Мы быстро двигались вперед, уже были видны окопы противника. И вдруг – взрыв! – наш танк, видимо по инерции, еще несколько метров проутюжил землю и загорелся. Несколько человек погибло на месте, а я видно родился в рубашке – получил только осколочное ранение в руку. На этом первый бой для меня закончился. Помню, что потери у нас были большие. Для многих солдат первый бой оказался последним. Но мы удержали позиции, ни на шаг не отступили.

После излечения в госпитале Алексея Федотовича определили в артиллеристы. Он стал командиром расчета 76-мм дивизионной пушки 50 отдельного истребительного противотанкового дивизиона в составе 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. Рокоссовского.

По многим военным тропам вместе с другими солдатами прошел сибиряк. Принимал непосредственное участие в боевых операциях и сражениях. На фронте вступил в ряды ВКП (б). Это накладывало большую ответственность, ведь коммунистам приходилось первыми подниматься в атаку, выполнять самые опасные приказы командования.

На войне такое правило: если ты не убьешь врага, значит, его пуля достигнет тебя. Выбор, что и говорить, совсем небогатый. В одном из боев, успев прямой наводкой поджечь немецкий «тигр», Андреев сам чуть не погиб от снаряда немецкой самоходки, прикрывавшей атаку вражеских танков с тыла. Орудие было полностью разбито, погиб наводчик, но смерть и на этот раз прошла мимо сибиряка.

Через Польшу, форсировав Одер, дошел Алексей Федотович до Германии. 3 мая 1945 года их дивизия вышла к Балтийскому морю. По этому случаю отсалютовали в воздух, выпили «боевые сто грамм» под свежую ароматную уху и на этом война для Андреева и его товарищей закончилась.

Находясь за границей, Алексей любовался красотами местных пейзажей, культурой быта, довольно богатой жизнью немцев, безупречной чистотой и порядком вокруг, и все недоумевал, чего не хватало им еще, почему решили развязать войну. И только сейчас, в свои преклонные годы, делает такое заключение: наверное, жадность обуяла, вот и напали на нас.

После окончания войны старший сержант Андреев был направлен на учебу в Горьковское военно-политическое училище. И быть бы ему офицером, но однажды он съездил на побывку домой, и затосковало сердце по родным местам, тем более хотелось помочь матери, которой приходилось очень тяжело в послевоенной голодной деревне, ведь два родных брата Алексея

не вернулись с войны. И тут аккуратно вышел приказ Главнокомандующего, позволяющий военнослужащим 1924 года рождения уволиться из армии. Алексей Федотович воспользовался им и весной 1947 года уже находился в родной деревне.

Когда вернулся домой, встретился со своей будущей женой, Анной, учительницей местной школы, сыграли свадьбу и начались мирные будни. Работал в колхозе бригадиром, экономистом, председателем. Когда заочно закончил сельхозинститут, направили на работу директором совхоза «Инской», что в Краснощековском районе. Вместе с супругой родили и воспитали пятерых детей. За ратные и трудовые заслуги перед Родиной Алексей Федотович Андреев награжден боевыми медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945гг.», орденом Отечественной войны 1 степени, медалью «За освоение целинных земель» и др.

Сейчас Алексей Федотович живет в Пospelихе, в поселке МИС. В свои 88 лет он гостеприимен, обладает хорошей памятью, без запинки называет номера частей, даты, фамилии командиров и т. д.

– Жить можно, – говорит ветеран. – Вот только здоровье что-то стало пошаливать.

Алексей Федотович не считает себя героем. Мол, воевали миллионы, а еще больше трудились в тылу. Мудрость человека, прожившего такую большую жизнь, помноженная на все испытания и страдания, – неоспорима и неоценима.

...Победа – это удел стойких и мужественных солдат, не жалевших своих жизней, проливавших кровь в борьбе за правое дело. Наш земляк Алексей Федотович Андреев среди них по праву. Он – победитель, вернувшийся с войны!

8 мая 2012 г.

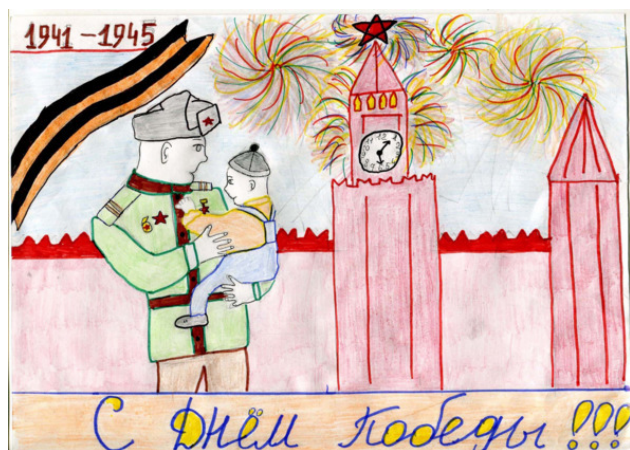
Они живы, пока мы помним

В нашей стране самый главный праздник – День Победы. К сожалению, природа немолчала: у неё свои, неподвластные никому, законы. Среди живущих совсем немного осталось тех, кто, не жалея собственной жизни, завоевал эту победу. Изрядно поредел строй наших славных ветеранов-фронтовиков. Давно уже нет в живых Петра Андреевича Бабича, участника Великой Отечественной войны.

Родом он из Курской губернии. Жил на Алтае, в Волчихинском районе, где познакомился с Верой, красивой девушкой-украинкой. Поженились. Перед самой войной семья переехала в Днепропетровскую область, где вскоре и родилась их дочь Аннушка.

...Анне Петровне Манн в 1941 году было всего два годика. Начало войны, она помнит расплывчато. Только врезалось в память, что у мамы по лицу текли слёзы, а кругом была какая-то необъяснимая суматоха. В ту пору в центре села на уличном столбе висел репродуктор. Вот по нему-то и сообщили людям о начале войны.

Петр Андреевич сразу получил повестку и ушел на фронт. Вскоре от него стали приходиться письма-треугольники. В своих коротких посланиях, написанных на скорую руку химическим карандашом, он, насколько позволяла военная цензура, рассказывал о важных событиях, происходящих на полях сражений, сообщал, как тоскует вдаль от супруги и ребят, надеясь на близкую встречу, а в последних строчках обязательно просил жену: «Веруся, ты в любом случае береги себя и детей». Эти весточки-листочки были самыми ценными в те страшные и трудные дни. Семью тем временем эвакуировали в Сталинградскую область. Вынужденным переселенцам пришлось там несладко. Анна Петровна помнит, как самолеты с черными крестами бомбили их деревню, а они с мамой куда-то бежали прятаться. Когда наши войска освободили Украину, мать вместе с детьми вернулась из эвакуации домой.

«В шесть часов вечера после войны». Катя Швецова, 12 лет,
с. Пospelиха

Как отец пришёл с войны, Анна Петровна помнит очень хорошо. Она как раз болела и сидела дома. В окно увидела, как с железнодорожной станции проехала бричка, груженная школьными партами – в селе открывали школу. А потом соседка тетя Маня в окошко: тук-тук: «А мамочка дома?»

– Где ж ей быть, на огороде!

– Вирка! Иди сюда! Муж с фронта повернулся! – громко закричала и почему-то заплакала тетя Маня. В то время всегда так было: когда с войны возвращались родные или даже друзья, соседи, все плакали и радовались.

Отец вошел: «Дочка!» Поднял высоко на руки, прижал к груди. Он был ужасно худой, с лицом, заросшим щетиной. Прибежали еще две дочки, они были постарше Ани. Это наш папка! Сколько было слез! Наконец-то дождались!

– Помню, у него в солдатском вещмешке были медицинские бинты, он перевязал мои болячки, и с тех пор как бабка отшептала! – говорит Анна Петровна.

П. А. Бабич прошел в рядах Красной Армии всю войну, защищая Родину и изгоняя захватчиков с нашей земли. День Победы встретил в Берлине, там и расписался на рейхстаге. За ратные заслуги, мужество на поле брани он был награжден медалями «За Отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

В 1947 году семья Бабич вернулась на Алтай, а потом переехала в с. Красноярское.

– Мои родители – простые люди, честные труженики, – продолжает Анна Петровна. – Отец всю жизнь был разнорабочим, мама в животноводстве – дояркой, телятницей. В общем, трудяги каких поискать! Удивительно, что война не сломила отца. Он ценил жизнь во всех её проявлениях, прекрасно относился к своим родным и близким. Очень любил детей. Мы чувствовали его любовь, постоянно находясь рядом с ним. До сих пор вспоминаю его игры с нами, как ласково он гладил и тербил нас по голове...

Теперь уже нет ни Петра Андреевича, ни его супруги Веры. Осталась лишь небольшая фотография – кадр из жизни. Это единственный снимок, где воин-фронтовик запечатлен в военной форме, сразу после войны. Дети увеличили ее до стандартного размера и смогли разглядеть лицо своего папы. Он на том фото еще такой молодой!

Да, ему выпала трудная судьба, однако в ней нашлось место и счастью. Этот человек оставил после себя заслуживающую уважения, достойную память. Живя в полном согласии со своей супругой, они дали жизнь и воспитали шестерых детей. Из них выросли уважаемые, добрые люди.

У Петра Андреевича большое потомство: 13 внуков, 17 правнуков, 7 праправнуков. Они гордятся, чтят и всегда помнят о своих родителях. Если случается собраться всем вместе за столом, то обязательно вспоминают о былой жизни. И тогда всем становится так радостно и тепло на душе.

2015 г.

Р. С. Судя по всему, Вера Каленникова, глава Администрации Красноярского сельсовета, получила свое имя в честь бабушки-украинки. Ведь Петр Андреевич Бабич её родной дедушка.

Фронтной шофер ВЕЛ СВОЮ МАШИНУ СКВОЗЬ ПУРГУ, ОГОНЬ И ЧЕРНЫЙ ДЫМ...

Тревожный сон разбудил его раньше времени – снилась передовая, сугробы, всполохи ракет над нейтральной полосой. Василий Ильич Баранов вспоминает войну разве что перед праздником, когда его жена достает из шкафа тяжелый от медалей костюм. Но во сне часто приходят к нему то разбитые снарядами фронтные дороги, то вражеские «фоккеры», заходящие на очередное бомбометание, то нестройные залпы из автоматов над могилами павших однополчан.

Василий Ильич родом из Пензенской области. Отец умер рано, в 1933 году, оставив на руках жены пятерых детей. Мать, чтобы прокормить семью, с раннего утра и до позднего вечера трудилась в колхозе. Тяжелые времена переживала семья Барановых. Поэтому Василий окончив, как он сам определяет, «четыре класса и коридор», тоже пошел на заработки – пас коров, телят, жеребят. Потом, уже перед самой войной, в большие люди выбился – на трактор сел...

Война всю жизнь перевернула. Молодые парни один за другим уходили на фронт. В 1943 году настала очередь и Василия Ильича. 3 марта – эта дата прочно врезалась в память ветерана – ушел и он из дома на войну.

Поначалу попал в Ульяновскую область в 27 учебный автомобильный батальон. Технику Василий любил, поэтому быстро овладел всеми секретами устройства и вождения легендарной полуторки ГАЗ – АА, которую бойцы на свой манер звали «ГАЗ два раз». После окончания учебки Василия как толкового шофера направили на юг – перегонять американские «студебеккеры» из Грузии в район города Беслан. Такая «лафа» (и это притом, что гоняли машины по Военно-грузинской дороге, где каждый поворот – настоящая игра со смертью) была недолгой. Необстрелянных шоферов ждала Белоруссия. Там Василий и попал в первый раз под бомбежку.

– Я часто смотрю военные фильмы, – говорит Василий Ильич. – И удивляюсь. Ну не было такого на фронте! В кино, если ты фронтной шофер, то обязательно должен давить на акселератор и убегать от самолетов. Ну сами посудите. Разве может машина с самолетом в скорости тягаться? Летчик не бомбой, так из крупнокалиберного пулемета достанет. Поэтому бросали технику и бежали от нее куда подальше, искали хоть какое-то укрытие, хоть какую – то ямку. Вообще авиа- и артиллерия – самое страшное на войне. Это только в песенке «не страшна нам бомбежка любая». Страшна, и еще как! Потому как нет от нее никакого спасения. Остается уповать только на Господа Бога да на счастливый случай.

Василий Ильич крутил баранку в 368-м отдельном автомобильном батальоне. Это мобильное подразделение обеспечивало подвоз боеприпасов на 1-ый и 2-й Белорусские и на 4-й Украинский фронты. Кабина автомобиля была для военного шофера и рабочим местом, и столовой, и местом отдыха. Кстати, питались солдаты в основном американскими консервами, сухари в железных банках тоже присылали из-за океана. Да и ездили наши ребята в основном на американских «студебеккерах».

– Эта была очень хорошая машина, – вспоминает Василий Ильич. – Мощная, 110 лошадиных сил, неприхотливая в эксплуатации. Легко заводилась даже в сильные морозы. Наши потом ее перекопировали, сделали ЗИЛ – 157. Но затея, на мой взгляд, получилась неудачной.

Война продолжалась, и Василий все колесил и колесил по разбитым фронтным дорогам, доставляя снаряды на передовую, забирая в обратный рейс раненых. Сложность была в том,

что все это нужно было делать ночью, скрытно. Но ведь в это время ни в коем случае нельзя включать фары! Немец сразу же накроет снарядом или миной. Но выход все-таки был найден. Какой? Вопрос, как говорится, на засыпку. А ответ довольно простой: два солдата ложились на крылья автомобиля и командовали водителю: «Вправо, влево, прямо». Шофер вел машину, считай, вслепую.

– Часто утром, смотришь, а машина вся в крови. Значит, по трупам где-то ехали. Было такое. Не думайте, что мы кого-то пугались или нам страшно было от крови. Да нет. Привыкли мы к смертям. Сядешь, поешь, да и дальше поехал.

Да, интересный случай расскажу. Дело было в Сарнах, это Польша. Как-то прилетел немецкий самолет-разведчик – солдаты называли его «рамой» – и сбросил листовки. Я одну подобрал, а там Гитлер вместе со Сталиным нарисованы. У первого в руках баян, у второго – балалайка. Рядом с фюрером надпись: «Широка страна моя родная», а у нашего вождя – «Прощай, нонешний денечек». Короче, эта листовка была пропуском для сдачи в плен. При этом нужно было поторапливаться, иначе был обещан авианалет и даже указывалось точное время прилета бомбардировщиков.

Василий Ильич Баранов

Надо сказать, немцы свое обещание сдержали. Самолеты появились точно в указанное время. Начался самый настоящий ад. При этом удары были настолько прицельными, что стало ясно – кто-то ведет корректировку огня. Ротный послал нас со старшим сержантом Гориным проверить эту догадку. Вычислили мы того авианаводчика, захватили, нашим оказался – вла-совцем. Отвели его в штаб, и больше его никто не видел. Расстреляли, наверное, тогда ведь особо не церемонились. Командир за умелые действия пообещал нам перед строем по «звездочке». Но ордена Красной Звезды мы тогда так и не получили.

Еще один фронтовой эпизод, достойный внимания киносценаристов, тоже не может забыть наш односельчанин. Случилось это в одном небольшом венгерском городке. Василий

доставлял на передовую отделение стрелков-пехотинцев. И на перекрестке шоссеиной дороги едва не столкнулся с немецкой машиной, тоже под завязку набитой немецкими солдатами. Обе стороны просто опешили. Что делать? Замешательство длилось недолго, какие-то доли секунды. Оба шофера, не сговариваясь, дали полный газ и разъехались в разные стороны... В тот день писать похоронки штабному писарю не пришлось.

День Победы рядовой Баранов встретил в Свердловске, по дороге на Дальний Восток. Их часть отправили на войну с Японией. Та война была скоротечной, и вот солдат уже на Алтае, в Поспелихинском районе возит зерно, топливо. Здесь и познакомился с красивой девчонкой из Николаевки Катей Бондаренко. Потом войсковую часть перевели в Астраханскую область на строительство известного теперь полигона Капустин Яр. Демобилизовался Василий Баранов только в 1948 году. Взял билет на поезд и приехал в Поспелиху к своей Катерине, поженились.

И в мирной жизни Василий Ильич Баранов остался верным шоферской профессии. До самой пенсии работал водителем в «Агротрансе».

– Как я жизнь прожил? Это надо людей спрашивать. Посчастливилось мне в живых остаться в той мясорубке. Это да! Не отлили, видно, тогда для меня пулю, хотя за спины товарищей я никогда не прятался. Делал то, что приказывали. И на трассе никого в беде не оставлял. Дом построил, троих детей с Екатериной Яковлевной вырастили.

...Пусть нет у Василия Ильича персональной пенсии, живет он скромно, в селе его многие знают и уважают. Без таких, как он, наверное, и фронт не выстоял бы, и село не ожило.

8 мая 2008 г.

С неба – в бой

Из чего ковалась победа? Кто были люди, остановившие врага и изгнавшие его с родной земли? Во время войны их звали просто – солдаты. В одинаковых серых шинелях они были единым орудием, нацеленным на захватчиков. И только теперь, за далью лет, в спокойной мирной обстановке они вспоминают трудные военные дороги и оказывается, что каждый из них внес свою, личную лепту в победные залпы мая сорок пятого.

Повестку из военкомата Леониду Богатыреву принесли в начале 43-го. И как грамотного, толкового парня, имевшего за плечами семилетку, направили в Семипалатинское пехотное училище. Но офицерские погоны носить ему не довелось. Пришел приказ и всех курсантов в срочном порядке перебросили под Москву. Здесь в 1326 гвардейской воздушно-десантной бригаде Леонид учился солдатской науке побеждать – прыгал с парашютом, стрелял из всех видов оружия.

– Подготовка была очень серьезной, – вспоминает Леонид Васильевич. – Никому послаблений не давали ни рядовым, ни офицерам. Всего за время войны со всех видов самолетов, аэростатов прыгал 49 раз. Я и сейчас смогу. Страх перед небом у меня нет. Что интересно: на учебных занятиях всегда давали запасной парашют, в случае чего, он выручит. Но при выполнении боевых заданий такой страховки не было. Считалось, что это лишний груз. Лучше побольше взять боеприпасов, оружия. Но и на учениях, при наличии запасного парашюта тоже всякое бывало. Однажды увидел в небе два «хвоста». Значит, не раскрылись оба парашюта. Падает и что-то кричит замкомандира батальона. Только перед самой землей ему каким-то чудом удалось распутать стропы. Парашюты раскрылись одновременно. Офицер приземлился живым и невредимым. Правда, впоследствии он все-таки погиб при артобстреле.

Леонид Васильевич Богатырев с трофейным аккордеоном

Вскоре соединение было переброшено в Карелию. Леонида зачислили в полковую разведку. И с этого времени вплоть до своей демобилизации он ни разу не изменил этой воинской профессии.

...Шел июнь 1944 года. Войска фронта, под командованием генерала К. А. Мерцкова, готовились к Свирско-Петрозаводской операции, цель которой – разгромить противника в южной Карелии и восстановить границу СССР. Финны, пытаясь задержать наступление наших войск, сосредоточили на этом участке четыре дивизии и одну бригаду.

При форсировании реки Свирь Богатырев принял первое боевое крещение.

– Финны – хорошие воины, – замечает мой собеседник. – Я это почувствовал на собственной шкуре. Однажды от смерти меня спасла какая-то сверхъестественная сила. Представляешь, в окоп влетает мина. Всем – смерть, а меня только контузило. Спасся только потому, что за какое-то мгновение, услышал свист и нутром почувствовал – летит моя. Ну, я упал на дно окопа, пригнул голову к ногам. И вот она – ба-бах! Всех поразрывало, осколками поубивало. А я очнулся, и не пойму, что делать, и вообще, почему я здесь. Кругом тишина. Такой шок был. Потом слух начал потихоньку возвращаться, где-то вдали раздалась команда на форсирование. Собрался с силами и побежал вдоль окопа. Бежал в буквальном смысле по трупам. Столько ребят при артобстреле погибло! Это страшно! Когда преодолели водную преграду и подсчитали потери, оказалось, что в живых из нашей роты осталось всего 30 человек. Из офицеров в строю – один взводный...

Примеров, ярко раскрывающих храбрость и отвагу Богатырева, много. Гнал он противника до самой линии Маннергейма. Огнем из карабина уничтожил не одного захватчика. Вскоре Финляндия подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Менее чем за два месяца до конца войны солдат оказался на венгерской земле – в тот самый момент, когда в районе озера Балатон немецкое командование нанесло несколько ударов с целью восстановить оборону по Дунаю. Восемь дней противник пытался сломить сопротивление наших войск, стремясь любой ценой прорвать оборону. В марте гитлеровцы ввели в сражение свой последний резерв – танковую дивизию.

Леонид Васильевич Богатырев

Положение было очень серьезным: связь порвана, боеприпасы на исходе. Вернувшись с передовой, разведчик Богатырев доложил, что со стороны соседнего поселка движется большая группа фашистских войск. Гитлеровцы начали атаку. Бой то утихал, то разгорался с новой силой. На гребне высоты показались «тигры». Первый танк удалось поджечь, затем второй, третий...

За этот бой солдата наградили орденом Славы 3 степени. А еще у него сбылась давняя мечта – реквизировал в свою пользу трофейный аккордеон, на котором впоследствии научился прилично играть.

Леонид Васильевич считает себя счастливым человеком. У него всегда все получается. Вернувшись в 1949 году домой, встретил хорошую девушку. Как оказалось, судьба свела его с Марией Кирилловной на всю жизнь. Все послевоенные годы, вплоть до выхода на пенсию работал на свинцово-цинковом комбинате в Усть-Каменогорске. Всегда был в числе лучших рабочих, его имя занесено в Книгу почета предприятия.

В 1999 году семья переехала в Пospelиху, на родину жены. С тех пор и живет рядом с нами Леонид Богатырев, фронтовик, солдат Победы и просто интересный собеседник.

8 мая 2006 г.

Фронтальная отметина

Петр Бойко в ряды Красной Армии был призван в ноябре 1941 года. Поначалу службу проходил в учебном полку в Красноярском крае. Обучался там пулеметному делу. Но в конце сорок четвертого – начале сорок пятого года их часть направили на формирование под Горький. И уже оттуда попал сибиряк на 2-й Украинский фронт, который освобождал Польшу.

– Как только прибыли на передовую, – вспоминает бывшее Петр Григорьевич, – нас, новобранцев, командир спросил: кто желает в разведку? Вместе с другими ребятами я сделал три шага вперед. Так из пулеметчика переквалифицировался в полкового разведчика.

Много горя, крови пришлось повидать Петру Григорьевичу, многих друзей пришлось хоронить. Война – это настоящий ад, где плавится и горит даже железо. Долго воевать солдату не пришлось. Выполняя боевой приказ по выявлению брешей в обороне противника, Петр Григорьевич получил пулю, судя по всему, нарвался на снайпера. Пуля прошла рядом с сердцем, еще чуть повыше – и не видать бы бойцу своих степей. Но Бог миловал, его тяжелораненого однополчане вытащили с переднего края и отправили в госпиталь. После долгих месяцев лечения, получив III группу инвалидности, гвардии рядовой Петр Бойко был комиссован из армии по состоянию здоровья.

Петр Григорьевич Бойко

Вернулся в родные края, начал работать в колхозе. В 1947 году был избран председателем колхоза в Кузнецовке Курьинского района. Впоследствии работал на различных руководящих должностях. Заочно окончил сельхозинститут. С 1975 года и до выхода на пенсию был управляющим вторым отделением опытного хозяйства Алтайской МИС, где и живет в настоящее время, правда, став уже инвалидом II группы. Фронтальная отметина дает о себе знать до сих пор.

За ратные заслуги Петр Григорьевич награжден орденом Отечественной войны 1 степени, многими медалями. Мирный труд отмечен орденом Трудового Красного Знамени, меда-

лями «За освоение целинных земель», «Ветеран труда». В общем, и на фронте Петр Григорьевич не подкачал, и трудился не хуже других.

8 мая 1995 г.

«Артиллеристы, Сталин дал приказ!»

«...Нет предела нашему ликованиею. Да и отдаленные правнуки наши, отойдя на века, еще не увидят нас в полный исполинский рост. Слава наша будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли написать на одной странице – и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защищали не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм». Так оценивал в мае 1945 года подвиг нашего воина-освободителя, воина-защитника Родины писатель Леонид Леонов.

...Петр Боровик родился в 1922 году на хуторе Горелый Глуховского района Сумской области в семье украинских крестьян. Детство было голодным и безрадостным: жили в бедности и нужде. Так что трудовые навыки у мальчишки сформировались рано. Он умел и бороться, и копны возить, и пахать. Несмотря на трудности, родители старались, чтобы дети выбились в люди, получили образование. Учеба давалась Петру легко и после окончания школы он поступил в учительский институт г. Глухова. Но, учебу пришлось прервать до лучших времён – началась Великая Отечественная война. Почти сразу студент-второкурсник был призван в Красную Армию и отправлен в Ленинград в школу артиллеристов учиться воевать. Вернее убивать, хотя даже в страшном сне Петр, как и любой другой нормальный человек, никогда не думал, что будет вынужден это делать. Однако судьба обязала его подчиниться этому противоестественному состоянию: надо защищать свой народ, родную страну от фашизма, а если однажды потребуется, то, без колебаний, отдать жизнь за Родину. Хотя как говорил новобранцам старый служака-инструктор, возвратившийся инвалидом еще с первой мировой войны, погибнуть, умереть, сущий пустяк, а вот нужнее и труднее остаться живым, ведь только живые обеспечивают победу. Учеба шла в быстром темпе. Его солдатские университеты: день – за месяц, месяц – за год. И вот уже звучит команда: «По вагонам!». Место назначения – Северо-Западный фронт – самое пекло войны.

В первых сражениях 1941 года войска этого фронта противостояли наступлению немецко-фашистской группы армий «Север». Боевое крещение сержант Боровик, назначенный командиром орудия калибра 45 мм, получил в сражениях под Старой Руссой, где его «сорокапятка» боролась с немецкими танками и пехотой. Кстати, за слабую защитную броню, это пушку часто называли «Прощай, Родина» или еще выразительнее «Смерть-врагу – п... расчёту». Определения – более чем справедливые. Ведь артиллеристы и в самом деле были смертниками, т. к. живучесть орудийного расчета, как показывала кровавая практика, при стрельбе прямой наводкой против танков составляла только один бой. Тем не менее, в руках опытных командиров мобильная «сорокапятка» представляла серьёзную опасность для вражеской бронетехники.

– У нас сейчас сыро и холодно, – писал Петр в своем фронтовом дневнике. – Вокруг леса и болота, на которых лежит черный снег. Иногда кажется, что попал в ад, что земля смешалась с небом. Битва идет жестокая и упорная. Вчера после очередного боя из наших ребят в строю остались только я, да заряжающий. У других обстановка даже хуже – погибают целыми расчетами. Но оборону мы все-таки смогли удержать. Не знаю, останусь ли я завтра в живых. Не верю тем, кто заявляет или пишет в газетах о своем бесстрашии, что ничего не боится на войне. Вижу, каждый из нас всегда хочет выйти из смертельной схватки живым, но нужно подниматься в атаку...

Войска Северо-Западного фронта в начальный период войны понесли весьма тяжёлые потери, в первую очередь из-за превосходства противника в воздухе. Убыль личного состава в отдельных частях доходила до 60 процентов, а орудий и боевой техники до 90 процентов. Вместе с тем действия фронта сыграли существенную роль в обороне Ленинграда.

В одном из боев Боровик был тяжело ранен осколком авиабомбы, очнулся уже в санбате: какая-то добрая душа успела вытащить его из ада передовой. Раненых перевязали и отправили в какой-то близлежащий город, а оттуда поездом повезли на Алтай. В госпитале на станции Пospelиха развернулась борьба за жизнь молодого солдата.

– Что ты, Петя, приуныл, голову повесил? – подбадривал его хирург. – Сейчас почистим немножко и полегчает.

Операция неожиданно осложнилась. Пришлось срочно переливать кровь, которую, не задумываясь, дал хирург. Парня спасли. На утреннем обходе доктор весело сказал:

– Теперь ты братец, будешь заядлым бабником.

Петр недоуменно сощурил глаза.

– Да, да, ведь по твоим жилам течет моя кровь.

Находившиеся рядом медсестры и перебинтованные вдоль и поперек пациенты – заулыбались.

На госпитальной койке Боровик пролежал несколько месяцев. Молодой, крепкий, он сумел выжить. А потом очутился в военном училище. Его начальник тогда пошутил:

– Как был ты, парень, Богом войны, так и останешься. Только теперь «гостинцы» немцам будешь доставлять из мощной «сталинской кувалды» (так финны в 1940 году прозвали 203 мм советские гаубицы – А. Л.). Её главный аргумент – 100 килограммовый снаряд. Представляешь!?

...Курсантов готовили по ускоренной программе, и вскоре молодой лейтенант получил предписание на 2-ой Прибалтийский фронт, где был поставлен на должность начальника разведки 2-го дивизиона 196-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады. «Кувалда» оказалась 152-мм гаубицей, которая использовалась для стрельбы с закрытых позиций, как по окопанной, так и открыто расположенной живой силе противника, любым заграждениям и фортификациям, другим важным объектам в ближнем тылу. Большой угол горизонтальной наводки и довольно мощная баллистика позволяли орудию успешно бороться с танками. Эти гаубицы пользовались большим уважением у артиллеристов.

– Противотанковой пушке не каждый танк по зубам, а из гаубицы жажнул – танк в лучшем случае на запчасти, – рассказывал Петр Егорович. – А так башни у танков срывало играючи. Порой даже сотрясение от близкого разрыва снаряда приводило к поломке агрегатов и узлов внутри танка или самоходки. Результат точных попаданий в крыши ДОТов, и других укреплений был просто ужасен: лопались капилляры, барабанные перепонки у людей, и они, случалось, сходили с ума.

...В июле 1944 года войска фронта под командованием генерала армии А. И. Еременко провели успешное наступление на западном направлении, освободили города Резекне и Даугавпилс, форсировали Западную Двину. В дальнейшем соединения фронта были задействованы в наступательных операциях в Прибалтике, принимали активное участие в освобождении Риги.

Не жалея собственной жизни, в самых трудных условиях П. Боровик находился на главном направлении. В этих боях зарекомендовал себя грамотным офицером, способным верно оценить боевую обстановку и принять правильное решение. К этому времени по идейным соображениям вступил в ряды ВКП (б). Особенно отличился Боровик в операции по уничтожению блокированной Курляндской группировки противника. Вот только два эпизода его боевой деятельности, отмеченных в наградном листе командиром дивизиона гвардии майором Тарасовым.

«24 декабря 1944 года противник перешел в контратаку, ведя сильный артиллерийско-минометный огонь. Боровик, находясь на передовом наблюдательном пункте, вызвал огонь дивизиона по контратакующей пехоте, при этом были уничтожены две пулеметные точки с расчетами и до 30 солдат и офицеров противника.

26 декабря 1944 года орудие противника прямой наводкой вело огонь по нашим танкам. Тов. Боровик, своевременно корректируя огонь мощных гаубиц своего дивизиона, уничтожил орудие противника в районе высоты 75,0. Это помогло стрелковым подразделениям шаг за шагом продвинуться вперед».

Эффективность огня бригады была столь велика, что участки и районы, обработанные огнем её тяжелых гаубиц, зачастую являли картину тотального разгрома. Командир штурмового отряда SS, захваченный в плен нашей разведкой, на допросе показал, что в его подразделении после артиллерийского удара осталось всего-навсего десять солдат из 250. На вопрос, где же остальные, он ответил: «Уничтожила русская артиллерия».

За мужество и отвагу Петр Боровик был награжден орденом Красной Звезды.

Петр Егорович Боровик

А дальше была весна сорок пятого.

– Проснулся утром 9 мая от того, что все говорили о Победе, – вспоминал ветеран. – Бойцы радовались, что остались живыми и скоро вернутся домой. Начальник штаба организовал праздничный салют, а старшина – вкусный обед, выставив по случаю «наркомовские» 100 граммов. Одновременно личный состав получил приказ – не расслабляться. Фрицы разбежались по ближним и дальним лесам, и в нашей округе еще долго продолжались бои местного значения. Так что праздновать Победу, особо не пришлось...

После войны П. Боровик вернулся в Пospелиху, где еще во время госпитальной «эпопеи» познакомился с симпатичной сибирячкой Раисой (вспомним хирурга!), которая стала его супругой «на всю оставшуюся жизнь». Для начала устроился работать в школу преподавателем физики и наконец-то исполнил давнюю мечту – заочно окончил учительский институт в Барнауле. В 1957 году Петра Егоровича пригласили в редакцию районной газеты «Новый путь» на должность заместителя редактора. Как вспоминает его дочь Татьяна, тяга к сочинительству, литературному творчеству у него была всегда: писал короткие заметки в школе, на войне являлся редактором «Боевого листка», публиковал зарисовки, статьи во фронтовой газете. Кабинетная, административная работа была не для Петра Егоровича. Когда удавалось организовать интересную командировку, он с удовольствием брал редакционное задание и отправлялся в дорогу. Любил рассказывать о простых тружениках – механизаторах, животноводах.

Он был из тех кто, действительно был готов «трое суток шагать и трое суток не спать». Ну, а главное – трое суток писать.

Более семи лет П. Е. Боровик отдал «Новому пути». Потом его перевели в райком партии секретарем, отвечающим за идеологическую работу. На этой должности ему не раз приходилось выступать в защиту коллег-журналистов.

Петр Егорович был человеком добрым, порядочным, скромным. У него были «золотые руки», мог делать, мастерить все что угодно. Очень любил своих детей, внуков. О войне говорил очень мало и неохотно. Часто вспоминал своих боевых товарищей, погибших на фронте. Жил спокойно, не жалуясь на трудности, всегда помнил лишь только хорошее. Война, тяжелая болезнь подорвали здоровье Петра Егоровича, когда ему было чуть за пятьдесят. Он тихо ушел из жизни, никого не обременяя, под шелест опадающих листьев...

2015 г.

Навсегда в сердце

Старые фотографии почему-то желтеют. Может, от времени? А может, от пережитого теми, кто на них запечатлен? Или от всего вместе? Во всяком случае, фотографии Николая Павловича Брусенцева, жителя поселка Гавриловский, носят на себе память и времени, и пережитого. С них на нас, живущих в начале девяностых, смотрит молодой, симпатичный паренек. В глазах задумчивость. На гимнастерке – медали. Что было у него впереди, он тогда еще не знал. Что было пройдено, навсегда осталось в сердце.

Родился Николай Павлович в 1928 году в Николаевке. Правда, здесь он прожил недолго – семья переехала в колхоз «Путь пахаря».

– Детство у меня было тяжелое, – вспоминает ветеран. – В 1933 году остался без отца. Его и старшего брата забрали, как тогда говорили, по линии НКВД. И по сей день не знаю – за что. Отец был завхозом, брат – секретарем комсомольской ячейки. Да в тот раз из нашей деревни арестовали сразу одиннадцать человек. Правда, впоследствии их всех реабилитировали, да только людей-то уж не вернешь...

Ясное дело, в те годы было не до учебы, поэтому Николаю Павловичу удалось окончить только 5 классов. Повзрослев, старался во всем походить на Павку Корчагина, Василия Ивановича Чапаева. Наверное, поэтому с нетерпением рвался на фронт – шла Великая Отечественная война.

– Даже сухари сушил, – говорит Николай Павлович, – все хотел удрать, но не удавалось.

В 1944 году Н. П. Брусенцев был, наконец-то, призван в армию. Добровольцем. Каким же образом, ведь годков-то не хватало? А очень просто – уничтожил свои метрики, приписал лишний год. Только таким способом и осуществил свою мечту.

Николай Павлович Брусенцев

Попал в Красноярск, в запасной стрелковый полк. Здесь 6 месяцев вместе с земляками Слесаренко, Борщовым, Красноруцким, Игнатенко (впоследствии он погиб от штыка японского самурая) учили азы военного дела.

Ну а когда учеба закончилась и молодых воинов погрузили в эшелон, все ждали, с какой стороны подадут паровоз. Его прицепили с восточной. Значит, Берлин брать не придется – горевали новобранцы. «Ничего, ребята, и на вашу долю достанется», – успокаивали их командиры.

Одиннадцать суток поезд вез их на восток. В Хабаровске встретили День Победы. На месте дислокации солдат снова начали обучать, правда, в их часть влились уже опытные фронтовики. Все они были с наградами, побывали под пулями. Они-то и передавали свой боевой опыт необстрелянным новичкам.

– Командовал нашей 184-ой стрелковой дивизией Герой Советского Союза, генерал-майор Басан Городовиков, – вспоминает Николай Павлович. – Хороший был военачальник. С солдатами обращаться умел. Строгий, но в то же время справедливый.

Однажды их батальон построили и зачитали приказ: СССР объявляет войну Японии, в 3 часа ночи переходим границу.

После этого начались боевые действия. Пересекли вражескую границу, углубились на территорию противника километров на тридцать. Кругом все спокойно. Кое-кто стал поговаривать, что это за война такая – ни одного выстрела? Однако вскоре выяснилось: японцы сдаваться не хотели и с сопок открыли ураганную стрельбу из всех видов оружия. На помощь нашим войскам пришли «Катюши». Они сделали всего несколько залпов, и путь был открыт. Боевым маршем прошли 350 километров.

В дороге Николай Павлович встретил своего земляка Красноруцкого, который служил в другой части. Это было неожиданностью – в таком скоплении войск увидеть знакомое лицо. Как водится, выпили по стопочке. Договорились встретиться после взятия города, который был на их пути. Но, увы, встреча не состоялась. Во время боя, как позднее узнал Николай Павлович, его земляк был ранен и отправлен на лечение.

Войну Н. П. Брусенцев закончил в Китае. После этого еще шесть лет служил в армии. За это время один раз побывал дома, на побывке. Значит, хорошо нес службу солдат. Отпуск в то время получить было не так-то просто.

После демобилизации в 1951 году вернулся в родные места. Работал в Пospelихе в заготзерно, потом потянуло в город, переехал в Усть-Каменогорск, устроился на комбинат. Но в 1963 году не выдержал, вернулся в свою деревню. Выучился на тракториста.

– За это спасибо Василию Харичко, он меня к себе на трактор взял и, можно сказать, вывел в люди, – с благодарностью говорит Николай Павлович.

25 лет трудился он механизатором, выращивал и убирал хлеб. Сейчас находится на пенсии. Есть что вспомнить ветерану – и хорошее, и плохое. Всякое бывало. Ведь жизнь прожить – не поле перейти.

23 февраля 1991 г.

Столетний капитан

*Каждый хочет долго жить,
но никто не хочет стареть.*
Джонатан Свифт

19 октября Сергей Владимирович Бутров встречает славный юбилей – сто лет со дня своего рождения. Сто лет... За это время ему выпало жить (подумать только!) в трёх периодах истории нашего Отчества: дореволюционном, советском и нынешнем, в эпоху, как нам объясняют, демократии. Накануне этой знаменательной даты я побывал в гостях у долгожителя.

...Зачастую, смотришь на представителей старшего поколения и думаешь: в чем же их сила, каким тайным секретом они обладают? Ведь столько им довелось пережить, столько испытаний выпало на их долю – врагу не пожелаешь. А они так же как и прежде крепки духом, бодры, не поддаются унынию и апатии, живут в полном ладу с сердцем. Наверное, не случайно в списке долгожителей – фамилии многих из них. Вот и Сергей Владимирович в таком солидном возрасте самостоятельно передвигается по квартире, на память не жалуется, интересуется событиями в стране, регулярно читает газеты, смотрит новости по телевизору. Рассуждает здраво, с нескрываемым интересом, словно впервые рассматривает пожелтевшие от времени, старые фотографии, на которых он со своими родными и близкими запечатлен еще совсем молодым. Воспоминания ветерана настолько свежи, точно всё происходило вчера.

Сергей Владимирович Бутров

Родился он на ст. Каясан, что в Челябинской области, в семье, где у него было еще три сестры. Династия Бутровых – потомственные мельники, его отец Владимир Николаевич был умелым мукомолом не только у себя на родине – в Симбирской губернии, но также и хорошим крупчатником (эта должность считается главной на мельнице) на крупной паровой мельнице

в Семипалатинске, а затем и в Томске. Куда бы ни переводили мукомола, за ним всегда следовала его семья – жена и дети. Так что Сергею пришлось сменить не одну школу, прежде чем он закончил 7 классов. После этого, естественным образом, встал вопрос о будущей профессии и дальнейшем жизненном пути. Вариантов было несколько, но парень выбрал мукомольный техникум. Сделал он это вполне осознанно, опираясь на свой небольшой жизненный опыт и глядя на отца, который часто брал его на свою работу, исподволь учил секретам профессии.

Время учебы пролетело быстро, и вот уже молодой специалист, согласно распределению, должен был паковать чемодан и готовиться к отъезду в город Благовещенск. Но судьба распорядилась по-другому...

В начале 30-х годов прошлого века в нашей стране бурными темпами развивалась промышленность, в том числе перерабатывающая. Так, всего за два года на железнодорожной ветке Барнаул-Рубцовск было построено четыре крупных мелькомбината, в том числе Пospelихинский №15С. Между прочим, это производство и сегодня одно из самых крупных в нашем районе. Для пуска и эксплуатации нового предприятия собирались толковые специалисты со всего Запсибкрая. Ну, как такое событие могло обойтись без Бутрова-старшего! Согласившись на очередную смену места жительства, он в числе первых приехал в Пospelиху. А где Бутров-старший, там и Бутров-младший. Сергей перед отъездом на Дальний Восток решил погостить у родителей на Алтае.

Отец, воспользовавшись случаем, познакомил его с директором мельзавода Иваном Крымовым (впоследствии этот руководитель получил длительный срок заключения за порчу одного центнера зерна – А. Л.). Тот сразу же ухватился за молодого специалиста: «Оставайся, обо всем остальном я договорюсь!». Так, в 1934 году Сергей Владимирович начал свою трудовую биографию на нашем мелькомбинате в качестве сменного мастера четвертой бригады. Но стажировка, если так можно сказать, была недолгой, в 1936 году молодого мукомола призывали в армию.

Службу проходил в авиации в качестве стрелка-моториста тяжелого бомбардировщика в Забайкалье. Через два года, отслужив положенный срок, в звании сержанта Бутров вернулся домой. И снова – на мелькомбинат. И закружились, понеслись бесконечной чередой трудовые будни. Как активного комсомольца Сергея рекомендуют для вступления в партию, и в 1939 году он становится кандидатом в члены ВКП (б).

На личном фронте тоже был полный порядок. В заводском клубе он встретил симпатичную девушку Сашу, фармацевта из районной аптеки. Как это часто бывает, знакомство молодых людей закончилось созданием новой семьи. Свадьбу сыграли, одновременно встречая 1940 год. Молодожены мечтали о счастливой супружеской жизни, о своем доме, как его будут обживать-обустраивать. Но время готовило им жестокое испытание. Грянула Великая Отечественная...

О войне Сергею Владимировичу тяжело вспоминать, глаза сразу становятся влажными – он ее до самого конца прошел. И все время, забывая о тяготах и лишениях, думал лишь о том, как на «отлично» выполнить боевую задачу. Говорит: «Война – это большое горе. Хорошо, что мы одержали победу». Ветеран до сих пор жалеет о распаде Советского Союза, считает это крупной государственной ошибкой.

...Первой ушла на фронт супруга – медики всегда состояли на военном учете. Хотя Александра Яковлевна к тому времени была уже беременной их первенцем. Но приказ – есть приказ, надела гимнастерку и – в войска.

Сергей Владимирович получил повестку на фронт в декабре 1941 года и своего сына Виктора увидел уже четырехлетним пацаном, когда вернулся с войны.

Война для Бутрова началась с учебы в Горьковском военно-политическом училище, откуда он, получив звание политрука и сразу три кубаря в петлицы, был командирован на завод «Уралмаш». Там Сергей Владимирович принимал активное участие в подготовке к выпуску

новых танков Т-34. Природные инженерные способности, отличное знание механики позволили молодому офицеру в кратчайшие сроки досконально изучить как в теории, так и на практике боевые возможности самой лучшей машины войны.

По окончании формирования танковый полк отбыл на Воронежский фронт. Сначала Сергей Владимирович был командиром танкового взвода, затем роты. В боях под Белгородом наш земляк был тяжело ранен осколком гранаты. После «отдыха» на больничной койке снова вернулся в ратный строй. В мае 1945 года гусеничные траки его «тридцатьчетверки» вгрызались в берлинскую мостовую, помогая пехоте взламывать оборону противника.

Война для капитана Бутрова закончилась осенью 1946 года. Он удостоен многих боевых наград, главными из которых считает ордена Красной Звезды и Отечественной войны 2-ой степени, впоследствии уже в мирной жизни к ним добавились орден Отечественной войны 1 степени и большое количество юбилейных медалей.

Вернувшись домой и немного отдохнув от войны, Бутров активно включился в работу на родном предприятии. Ему довелось трудиться на разных должностях – сменным мастером, заместителем главного инженера, главным инженером. К любому делу относился очень ответственно, особенно уделял внимание качеству продукции. Это и его заслуга в том, что поспелихинская мука была известна, шла «на ура» далеко за пределами края...

Жизнь после разрушительной войны на селе понемногу налаживалась. Наша Поспелиха тогда была небольшим станционным посёлком, но благодаря удобному географическому расположению, наличию крупного мелькомбината, железной дороги райцентр очень быстро прирастал населением, промышленными и сельскохозяйственными производствами. В 1953 году у Бутровых родился еще один ребенок – дочь Наташа, а с ней появились и новые заботы, и радости.

...У Бутрова твердый характер. Он всегда переживал душой за родной комбинат, был неравнодушен к своей работе. Хотя, наверное, именно за такой характер Сергея Владимировича все и уважают. В первую очередь родные, соседи, коллектив комбината хлебопродуктов, а ныне макаронной фабрики. Здесь легендарного ветерана войны и труда всегда вспоминают добрым словом, никогда не забудут поздравить с праздниками и подарить подарки. Мой собеседник очень дорожит этой заботой, с благодарностью и теплотой вспоминает свою мельницу, в которой осуществлялся конечный этап производства – выпуск муки.

Сергей Владимирович Бутров

В 1974 году Бутров вышел на заслуженный отдых. Но после этого он еще долго занимался общественной работой. Вместе со своим товарищем И. Овчинниковым он внес большой вклад в создание районной Книги Памяти.

– Приходилось самим опрашивать ветеранов, односельчан, ведь в военкомате учет погибших был неполным. Например, нам дали список погибших на букву «Б», а его середина была кем-то утеряна. Как быть? Пришлось опрашивать односельчан, подключать к работе первичные ветеранские организации. В общей сложности на составление имен героев у нас ушло несколько месяцев, – вспоминает ветеран.

Вместе с супругой они дали прекрасное образование своим детям. Виктор закончил Новосибирский институт геодезии и картографии, а затем технический вуз, долгое время работал в Тольятти на ВАЗе. Дочь Наташа получила диплом Томского госуниверситета и в настоящее время живет в Москве.

Свою дорогую Александру Яковлевну Сергей Владимирович похоронил еще в 1983 году, и вот уже более 30 лет живет один. Сейчас рядом с ним находится племянница жены Валентина и сын Виктор с женой. Они окружили ветерана заботой и вниманием, так, чтобы он ни в чем не нуждался.

Рецепт долголетия в разговоре с Сергеем Владимировичем узнать не удалось. Других столетних долгожителей по линии своих родителей он не припомнил. При этом наш герой долгое время курил, до сих пор не отказывается от рюмочки водки по праздникам. Значит, все дело в характере человека, в его взгляде на жизнь. Вот и родственники, наперебой говоря о своем отце, подтвердили – всю жизнь был терпеливым и заботливым, увлекался охотой и фотографией.

Говорят, что старость человек заслуживает своими делами и поступками. Делает добро, в добре и проживает всю жизнь – в добре и заботе завершает ее.

2014 г.

Труженик войны

Часто, беседуя с представителями старшего поколения, ловлю себя на мысли: как же похожи судьбы у наших ветеранов. Хотя, наверное, у каждого поколения много общего, любая эпоха оставляет свой неповторимый отпечаток. Короче говоря, жизнь моего героя мало чем отличалась от жизни его сверстников.

– Я родился в деревне Ботенево в 1927 году в крестьянской семье, – рассказывает Николай Александрович Васильев. – Но когда мне было два года, родители переехали в Поспелиху. Здесь я проучился шесть лет в школе, на этом мои университеты закончились. Учиться дальше не было никакой возможности. Мы жили в труде, заботах и бедности, у родителей просто не было денег как следует одеть, обусть двоих своих сыновей. Так что после окончания 6 классов у меня был единственный путь – идти работать. По воле случая устроился сапожником в артель имени Клары Цеткин. Очень хорошо помню своих друзей молодости братьев Коровиных, Толика Чепурина, Николая Орлова. Все свободное время мы проводили вместе, на нашем счету много мальчишечьих «подвигов».

Началась Великая Отечественная, и мужики один за другим стали уходить на фронт. У Васильевых первым на войну ушел старший сын Василий, а осенью 1944 года вручили повестку о призыве в армию и Николаю. В один из дней холодного ноября многие поспелихинцы собрались на железнодорожном вокзале, чтобы проводить на войну своих земляков. Прощались со слезами на глазах, особенно сильно рыдали женщины, каждая, наверное, думала о судьбе своего сына, мужа, брата.

Новобранцев погрузили в телячьи вагоны, и эшелон тронулся в путь. Конечной остановкой стал город Красноярск. Здесь в учебном подразделении Николай Александрович постигал азы солдатской науки, а после сдачи нормативов стал младшим командиром, получил звание сержанта.

– Среди нас были русские, украинцы, казахи, татары, – продолжает Николай Александрович. – Мы были как одна большая дружная семья. После учебки всех отправили в Монголию. Ехали с песнями, танцами, шутками. Конечно, мы знали, что отправляемся «не к теще на блины», но, как поется в известной песне, «не хочется думать о смерти, поверьте, в семнадцать мальчишеских лет».

Васильев служил командиром минометного расчета. К слову, он до сих пор помнит его характеристики: калибр, 82 мм, вес миномета в боевом положении 67,7 кг, скорострельность – до 30 выстрелов в минуту, максимальная дальность стрельбы 3000 м, вес мины 3,6 кг.

Однажды августовской ночью 1945 года полк подняли по боевой тревоге и дали приказ наступать. Николаю Александровичу пришлось отшагать сотни километров через безводные степи Внутренней Монголии, по горам и долинам Маньчжурии. Впоследствии в красноармейской книжке Васильева ротный писарь отметит «участвовал в боевых действиях по разгрому Квантунской армии».

Романтика, связанная с войной, развеялась быстро. Он увидел грязную, кровавую, непарадную изнанку войны. Она произвела на него неизгладимое впечатление своей бесчеловечностью и жестокостью. Николай Александрович считает, что война раскрепощает в человеке все плохое. Человеческая жизнь там не принимается во внимание. Его всегда поражало это всеобщее ожесточение, безжалостность. Николай Александрович сожалеет, что сейчас часто с экранов телевизора показывают фильмы, далекие от настоящей правды...

Николай Александрович Васильев

В Китае сибиряк встретил полное окончание Второй мировой войны – 2 сентября 1945 года, когда пришла весть о безоговорочной капитуляции Японии.

– Невозможно передать словами чувства, которые мы испытывали в тот победный для нашей Родины год, – говорит Николай Александрович. – Это была гордость за народ, одолевший таких сильных и коварных врагов, и радость от того, что больше не будут рваться снаряды и проливаться кровь. Хотелось поскорее вернуться домой, увидеть родные лица, снять, наконец, солдатскую гимнастерку и приступить к мирному труду.

Однако сержанту Васильеву пришлось служить до 1951 года. После демобилизации несколько лет работал шахтером в Кузбассе, потом жил на Сахалине. В 1955 году вернулся в родную Пospelиху. И больше уже место жительства не менял. Местом работы стал комбинат хлебопродуктов, где трудился электриком вплоть до выхода на пенсию. Вместе с супругой родили и воспитали двух дочерей. Кстати говоря, Анна в тот ноябрьский день 1944 года тоже была на вокзале и провожала на фронт своего брата и, конечно же, видела своего будущего мужа. Но кто бы тогда мог подумать, что через десять лет этот вот стоящий на перроне парнишка станет ее женихом!

...Старость подошла незаметно. От нее ничего хорошего ждать не приходится. Потери и болезни не обошли стороной и боевого солдата – ушла в мир иной одна из дочерей. Сейчас Николай Александрович с трудом передвигается – сильно болят ноги. Да и память, порой, подводит.

– Раньше свободного времени у меня не было ни минуты, – говорит ветеран. – Работа да плюс держали подсобное хозяйство, занимались огородом...

Николай Александрович вспоминает своих однополчан, своих земляков, хлебнувших военного лиха: «Из нашего района более 6000 человек ушло на фронт, не вернулось 2590. Хочу, чтобы нынешнее поколение об этом не забывало»...

27 января 2011 г.

Давным-давно была война...

У нас в Поспелихе живет много интересных, заслуженных людей. Сегодня в самый светлый праздник – День Победы хочется рассказать о Ксении Григорьевне Виноградовой, ветеране войны и труда. О женщине, много пережившей, много повидавшей, немало испытавшей в своей жизни...

Родилась К. Г. Виноградова в 1922 году. Ее родина – большое русское село Чемоданово Юхновского района Калужской области.

Сколько с тех пор воды утекло, сколько воспоминаний подернулось дымкой забвения.

Вот так и каждый из нас, прожив большую часть жизни, забывает мелкие штрихи своей биографии. Но не забыть Ксении Григорьевне своего детства, трудным было оно. Девочке исполнилось всего четыре года, когда умерла мама. На руках отца, кроме нее, осталось еще шестеро детей. И как знать, что ожидало бы Ксению, ее братьев и сестру, если бы не отец. Он не сломался, не запил горькую, не пустил детей по миру (сегодня, к сожалению, такое не редкость), один стал воспитывать детей. А своей собственной жизнью занялся только тогда, когда все дочери и сыновья получили образование и могли жить самостоятельно.

Окончила 7 классов и Ксения. Перед девушкой встал дальнейший выбор жизненного пути. По совету брата устроилась наборщицей в районную типографию. В короткий срок овладела всеми секретами своей профессии, мечтала о семье, но все дальнейшие планы спутала война. Типографию эвакуировали, и Ксения вернулась домой. Немцы в первые месяцы войны наступали стремительно. Казалось, что их никто и ничто не сможет остановить. Части Красной Армии, ведя тяжелейшие бои, все дальше и дальше отходили на восток. Вот уже оставлена Калуга... Так К. Г. Виноградова оказалась в оккупации...

– Честно сказать, – вспоминает Ксения Григорьевна, – в нашем селе немцы останавливались редко, поэтому каких-то издевательств над мирными жителями с их стороны я не видела. Вот план по сдаче продовольствия и теплых вещей они нам доводили. Собрать столько-то мяса, яиц, валенок... К этой работе активно подключались местные полицаи. Они-то как раз могли забрать последнее. Разнарядку, мол, надо выполнять. Ну еще гоняли нас на расчистку дорог. Оккупация есть оккупация – прав у нас не было никаких. Все время надо было держать себя начеку, иначе несдобровать. Ведь ко всему могли придаться. Тогда только один был разговор, на каждом столбе приказы висели: за неподчинение немецким властям – расстрел. Но находились люди, которые ничего не боялись – в нашем районе активно действовали партизаны. Их захватчики боялись больше всего и видели партизана чуть ли не в каждом жителе...

А между тем на фронтах Великой Отечественной продолжались тяжелые, кровопролитные бои. До сельчан доходили короткие, отрывистые вести о первых успехах наших войск. Но поверили они в освобождение только тогда, когда началась решающая схватка за город Юхнов. О том, что битва была нешуточной, говорит следующий факт: этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки. В итоге сопротивление врага было сломлено. Правда, от города практически ничего не осталось – он был разрушен до основания. Только одни уцелевшие трубы лишней раз напоминали о том, что здесь когда-то жили люди.

Ксения Григорьевна настойчиво и упорно добивалась перед местным военкоматом о посылке в действующую армию. И вот её просьба наконец-то была удовлетворена. В июне 1943 года по комсомольской путевке (это значит добровольно), Ксению Григорьевну призвали в армию. Попала на Западный фронт, в 119-ю стрелковую дивизию 21-й армии. Очень пригодилась ей гражданская профессия – служила наборщицей дивизионной газеты «Красное Знамя».

Вспоминая фронтовые дни, Ксения Григорьевна показала мне знак «Ветеран 21-й армии».

– Однополчане прислали, – улыбнулась она. – Совет ветеранов нашей армии хорошо работает – организует встречи бывших сослуживцев, переписку между ними. Я тоже держу связь с ребятами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.